

**УСЛОЖНЕНИЕ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ
КАК ПРИЗНАК ПОЛИФОНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
РОМАНА В. ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»**

Н. Б. Король

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь, knb.6444@gmail.com*

Статья посвящена системе персонажей в романе В. Шарова «Возвращение в Египет», в частности, анализу функционирующего в тексте явления двойничества. В работе исследуется идейное многоголосие, порождающее парадигму концептуальных связей между всеми героями произведения. Рассматривается и объясняется глубинная конвергенция между, на первый взгляд, несхожими идеями. Определяются различия между двойнической системой в классическом тексте полифонической структуры, описанной Бахтиным, и парадигмой двойников в романе В. Шарова, описываются характерные произведению типы двойников. Раскрываются механизмы функционирования монологических элементов в полифоническом тексте, заключающиеся в имплицитном отражении авторского взгляда в ризоматической множественности идей через иронизацию и включение в персонажную систему карнавальных пар.

Ключевые слова: двойничество; типология двойников; полифония; монологизм; В. Шаров.

**COMPLEXIFICATION OF THE CHARACTER SYSTEM
AS A SIGN OF THE POLYPHONIC STRUCTURE
OF V. SHAROV'S NOVEL "RETURN TO EGYPT"**

N. B. Karol

*Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Belarus, knb.6444@gmail.com*

The article is devoted to the system of characters in V. Sharov's novel "Return to Egypt", in particular, to the analysis of the phenomenon of duality functioning in the text. The work explores the ideological polyphony, which generates a paradigm of conceptual connections between all the heroes of the work. Deep convergence between seemingly dissimilar ideas is considered and explained. Differences between the double system in the classical text of the polyphonic structure described by Bakhtin and the paradigm of doubles in the novel by V. Sharov are determined, the types of doubles characteristic of the work are described. The mechanisms of the functioning of monologue elements in a polyphonic text are revealed, which consist in the implicit reflection of the author's view in the rhizomatic plurality of ideas through irony and the inclusion of carnival pairs in the character system.

Key words: duality; typology of doubles; polyphony; monologism; V. Sharov.

В современном литературоведении двойничество в широком смысле определяется как «языковая структура, в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной модели мира» [1, с. 5]. Беря во внимание генезис и функцию персонажей, С. З. Агранович и И. В. Саморукова выделяют следующие типы двойников: двойники-антагонисты (противоборствующие персонажи), карнавальные пары (противопоставляются по принципу серьезное / смеховое) и близнецы (внешне находящиеся в конфронтации, но внутренне идентичные).

Исследуемый роман В. Шарова, с идейной точки зрения пронизанный противоречиями и полифонической незавершенностью, также отличается и усложненной системой персонажей, основанной на явлении двойничества. В случае творчества В. Шарова определение типов двойников, наиболее приближенных к исходной терминологии, затруднено в связи с динамичностью и двойственностью мировоззрения героев. И. В. Шейко-Маленьких, анализируя поэтику прозы писателя, отмечает следующее: «У Шарова неотъемлемым свойством любого природного объекта выступает текучесть, т. е. его способность сливаться со своей противоположностью и / или плавно переходить в нее» [3, с. 85]. Подобные выводы представлены и в нашем исследовании: в частности, речь идет об образе палиндрома, а также об интенции героев на поиск связей между, казалось бы, противоположными явлениями (вера в Бога и кровавая революция, стремление к Земному Раю и потворство репрессиям и т.д.). При этом основным признаком персонажей становится отсутствие у них уникальных черт, обеспечивающих понимание реципиентом разницы между говорящими, на что указывает и И. В. Шейко-Маленьких: «Диалог между героями возможен только при взаимной утрате их исключительности, когда они как бы растворяются друг в друге» [3, с. 86]. Схожая система отношений между героями характеризуется типом близнечного двойничества, предполагающего внутреннюю связь героев, несмотря на их внешнюю (зачастую мнимую) антагонистичность.

Судьбы и высказывания героев романа «Возвращение в Египет» выстроены по принципу повторения и дополнения. Ведущей особенностью организации образов персонажей видится стремление к их унификации в нарративном пространстве текста. Элементы в более ранних произведениях В. Шарова, позволяющие отличать героев друг от друга, в «Возвращении в Египет» практически отсутствуют, что создает эффект неразличимости голосов в полифоническом множестве высказываний. Возникновению описанного явления способствует и искренняя вера героев в значимость собственной роли во всеобщем спасении, когда как, к примеру, в романе «Возвращение в Египет», персонажи действуют скорее в личных интересах. Стоит отметить, что речь идет именно об идейно-философской

неразличимости: те или иные высказывания могут принадлежать одновременно нескольким персонажам, которые, имея уникальное имя и род занятий, с концептуальной перспективы полностью дублируют друг друга.

Таковы, например, дяди Николая Гоголя младшего Артемий, Ференц и Петр, которые выступают наиболее авторитетными корреспондентами главного героя во многом за счет их «титулованности»: Артемий и Петр — известные литературоведы, а Ференц — историк, специалист по Гражданской войне. В связи с этим данные персонажи имеют значительное влияние на точку зрения Гоголя младшего, зачастую цитируя друг друга и повторяя одни и те же мысли. Приведем в пример рассуждения Ференца и Артемия по поводу военных действий, организуемых Российской Империей. Ференц пишет: «Нескончаемая экспансия не от избытка силы; она бегство от внутренних проблем» [2, с. 440]. В другом письме Артемий снова воспроизводит описанную идею: «Экспансия, что год от года только нарастает, не свидетельство силы, перед нами — бегство, паническое бегство от внутренних неудач» [2, с. 440].

Сюжет «Синописа» к продолжению «Мертвых душ», написанного Колей Гоголем, строится на взаимодействии старовера Чичикова и народников. Подобную мысль высказывает и дядя Ференц: «К началу века союз большевиков и староверов — реальность. <...> Без раскольничьей правоты СССР существовать не сможет» [2, с. 566–567]. Ту же мысль об ассимиляции, на первый взгляд, несовместимого высказывает Коле и дядя Петр, ссылаясь на Артемия: «Особенно соблазняет его пара „евреи и староверы“, к которой он приторочивает и революционеров» [2, с. 567]. Дядя Петр, в свою очередь, ссылается на Ференца, соглашаясь с его высказыванием и, соответственно, принимая его точку зрения за свою: «Можно, как у Ференца: одни из нас верят, что Страшный суд уже завтра, другие держат это за дурь и ничего не боятся. Но живем мы рядом» [2, с. 398].

Отсюда вытекает мысль и об еще одном типе дублерского двойничества, функционирующего внутри художественного мира произведения и порождаемого самими героями текста: персонажи находят точки пересечения между, казалось бы, противоположными явлениями и интерпретируют историю так, чтобы эти противоположности по какому-либо признаку ассимилировались. Выше приведены цитаты, доказывающие общность «безбожных» революционеров, стремящихся к преобразованиям кровавым путем, и староверов, которые традиционно должны выступать против кровопролития. Базируется данная связь на общем элементе неприятия монархической власти того времени, угнетающей трудовое население и гонящей раскольников из страны. По принципу оппонирования Н. В. Гоголю и дворянству в его лице герои объединяют народников и Николая I Романова, которые, по мнению дяди Петра, «на равных были

убеждены, что пока русские — смесь евреев и египтян, оттого прежде, чем возжигать в алтаре огонь, надо отделить чистых от нечистых. <...> Египтянами царь и революционеры считали дворянство» [2, с. 379]. Кормчий Капралов, глава бегунской секты, идеология которой основана на представлении о мире как об абсолютном зле, находит связь между юродивыми и советской властью: «Кормчий не раз говорил, что только в чекистах да в юродивых он встречал понимание вездесущности зла» [2, с. 46]. Николай Гоголь младший видит двойниками евреев времен Исхода и староверов, переживающих гонения со стороны монархии: «Они также настраивают императора против раскольников, как когда-то фараона его советники — против евреев» [2, с. 209]. В целом, на этом двойничестве и строится теория Гоголей о богоизбранности староверов и их роли в спасении России и всего мира от греха.

Очевидно связаны отношениями двойничества между собой Н. В. Гоголь и его романский потомок Николай Гоголь младший: мать Коли Гоголя, одержимая идеей значимости рода ее великого предка во всеобщем спасении, с детства внушает сыну мысль о его предназначении возродить талант классика. При этом полное совпадение имени у персонажа В. Шарова и русского писателя — чистая случайность, так как герой относится к роду Гоголей только по материнской линии: фамилию Коля получает от отчима, а отчество — от кровного отца. Соответственно, двойниками героев делает не намеренная идентичность в именах, а одна из главных тем романа — тема избранности и лжепророчества, которая, в свою очередь, распространяется и на бегунскую секту, и на верования раскольников, и в целом на русский народ, что актуализирует опять же двойничество дублерского типа не только между отдельными персонажами, но и между целыми группами людей.

Вопрос избранности Гоголя как пророка и учителя в той или иной форме поднимается персонажами не раз: так, например, дядя Ференц сравнивает «Выбранные места» с «Домостроем», отмечая, что произведение Гоголя — это «книга холопа, наставляющего господина, как ими, холопами, управлять» [2, с. 84]. В этом же сравнении одновременно читается мысль и о наставничестве, и о парадоксальности этого наставничества. Дядя Петр пишет: «Мысль явиться Спасителем давно его [Гоголя] привлекала. Он много думал, просеивал и отбирал слова, рисовал мизансцены. Строил все так, чтобы каждый уверовал, не усомнился он сам» [2, с. 86]. Опять же героем подчеркиваются сомнения Гоголя по поводу собственной избранности, отражающиеся в попытках убедить самого себя в своем даре. Дядя Артемий Фрязов, известный литературовед, в своей статье о «Носе» рассуждает о дне рождения Гоголя, который появился на свет «между католическим и православным Благовещеньем», то есть, по

мнению героя, временем «особой силы всякой нечисти» [2, с. 29]. С одной стороны, герой рассуждает о классике как о «мессии, предназначенном соединить собой <...> католиков и православных» [2, с. 29], с другой — высказывается о неспособности Гоголя писать о сакральном, так как «изображать он может лишь нечистое и несправедное в людях» [2, с. 30], что в целом исключает возможность проложить запланированный Гоголем в «Мертвых душах» путь к спасению всей страны.

Гоголь младший пытается идти по пути, который предписан для него его матерью: «Мама <...> считала нашим семейным предназначением вернуть как то, что было Гоголем написано, но накануне смерти собственноручно сожжено, так и то, что пока им только обдумывалось» [2, с. 192]. Соответственно, роль пророка, взявшегося за спасение целой нации, для Коли Гоголя — навязанная необходимость, а не собственный порыв, что и порождает закономерные сомнения по поводу таланта и способности вести за собой. Герой буквально подстраивает свою жизнь под попытки закончить поэму «Мертвые души», например, поступает в сельскохозяйственный университет, чтобы иметь представление о том, как Н. В. Гоголь видел «будущее помещичьего хозяйства, следовательно, и будущее России» [2, с. 89]. Несмотря на это, Коля подвержен постоянным сомнениям не только в пути, который он избрал для русской нации, но и в своем таланте как писателя: «Посылаю вам пару первых страниц. На язык внимания не обращайтесь, он как был убог, так им и остался» [2, с. 190]. В итоге Гоголь младший не только оставляет идею закончить свой синопсис, увидев ошибочность избранной им идеи, но и в целом перестает писать, отказываясь от роли учителя.

Та же мысль о вечных скитаниях и попытках найти в мировой истории свою роль как пророков, несущих истину, отражается на раскольниках, народниках и в целом на всей русской нации. Так, например, Коля называет староверов «новым избранным народом Божиим» [2, с. 229], чуть позже в своем синопсисе наделяет этим статусом народников, «единственных, кто поднялся, восстал против зла» [2, с. 279]. Веру русской нации в истинность собственных воззрений подчеркивают Юрий и Ференц: «Сколько живем — мы верим, что одни противостоим злу мира, потому что для Господа, кроме нас, никого другого нет, быть не может, мы и есть все» [2, с. 503]. «Эпизодический» персонаж поп-расстрига, фигурирующий в Колином письме, находит в этой вере греховность: «Расстрига не сомневается, что и сама вера может сделаться страшным искушением. <...> Он говорит об убеждении, что мы новый Израиль, новый избранный народ Божий» [2, с. 402]. Таким образом, тема пророчества, избранничества и учительства ветвится и множится, по-разному отражаясь в нескольких персонажах и даже целых группах людей. Двойничество у В. Шарова

приобретает статус массовости, оно расширяется и делает возможным поставить в один ряд человека и всю нацию, тем самым полифонически объективно и всесторонне раскрывая магистральную тему.

В «Возвращении в Египет» также представлены близнечные пары двойников в бахтинском их понимании, то есть основанные на карнавальной пародийности. Так, например, надежды на революцию, питаемые режиссером Блоцким, художником дядей Вале́й, Гоголем младшим, его идейным воплощением Чичиковым и другими персонажами, гипертрофируются в образе дяди Святослава. Блоцкий о революции «теперь говорит как о новом преображении Господнем, единственном, что может нас спасти» [2, с. 112]; дядя Валя, делая эскизы на историческую тематику, русскую революцию рисует как «неуклонное восхождение», итогом которого становится «поверженная Германия: наш флаг над Рейхстагом и Парад Победы на Красной площади» [2, с. 162–163]; Гоголь младший, как уже отмечалось, видит в революции возможность свергнуть греховную монархическую власть. Дядя Святослав же, как наиболее последовательный приверженец коммунизма и его «пророков», не только не видит отрицательных сторон жестокого режима, но и наделяет его сакральным смыслом, смешивая антирелигиозную советскую власть с божественным замыслом: «Ленин, вслед за ним Сталин, встали на твердую почву веры. Земля обетованная есть земля Божья, греху на ней места нет» [2, с. 571]. Хотя многие персонажи, как нами было продемонстрировано, стоят на позиции поиска смысла в убийствах, дядя Святослав является носителем наиболее абсурдной и, с точки зрения религии, богохульной позиции. Герой не только искренне и последовательно доказывает правильность возвышения человека над Богом, но и сравнивает вклад в историю человечества Иисуса Христа и Ленина («Не важно кому молимся — Христу или Ленину» [2, с. 591]).

В связи с тем, что определяющей чертой мировоззрения героев «Возвращения в Египет» является перманентная подвижность, ведущая к частой смене взглядов, признаком системы персонажей в исследуемом романе становится двойственность героев, основанная на внутреннем конфликте. Большая часть персонажей, имеющих глубоко религиозные взгляды на мир (Гоголь младший, Петр, Ференц, Юрий, Артемий и др.), в условиях прихода советской власти и потери устойчивой духовной традиции оказываются, с их точки зрения, в безвыходном положении. Признание пролитой во время Гражданской войны крови бессмысленной, а репрессий — сугубо признаком тоталитарной системы значит для этих персонажей отсутствие связи с Богом, что и ведет за собой попытки связать происходящее в стране с Исходом, великим Божественным планом и построением Рая на Земле.

Дядя Петр, один из наиболее критичных по отношению к революции героев, после прочтения Колиного синопсиса к «Мертвым душам» пишет: «Сейчас о коммунизме написаны уже не только романы и повести; есть обычный типовой учебник, в котором столько мыслимых и немыслимых подробностей, что ясно: на сей раз в тех, кого послал на разведку, Моисей не ошибся» [2, с. 296]. При этом дядя Петр не верит в возможность человека отказаться от Бога и самостоятельно, путем коллективного труда, построить Рай, так как это зависит только от воли Господа. Другие члены рода Гоголей, поддерживая старообрядчество и осуждая внесение в исконно русскую церковь западных традиций, все же находят положительные стороны в империализме и монархии, преследовавшей раскольников и объявившей их деятельность незаконной. Так, дядя Артемий считает, что «государство есть источник жизни» и «своими соками оно питает каждую душу» [2, с. 302]; дядя Ференц находит в знаменитой поэме Гоголя свидетельство бессмертия крестьянских душ за счет «наместника Бога на земле», который вносит за них подати [2, с. 302]. В то же время Ференц с осуждением высказывается по поводу «Сталинской монархии», сделавшей постоянную гражданскую войну «обычным правильно функционирующим институтом» [2, с. 587].

Подобное явление ведет за собой отсутствие характерных для полифонического романа Достоевского двойников-антагонистов, которые стояли бы на противоположной позиции относительно других персонажей. В связи с тем, что герои так или иначе могут противоречить себе и менять свои взгляды, найти в системе персонажей крайнюю им противоположность не представляется возможным. Дядя Святослав как герой, чья позиция в нарративе романа осознается реципиентом наименее приближенной к истине, все же дублирует мнения остальных персонажей, которые в то или иное время могли придерживаться тех же взглядов, что и он. При этом в романе «Возвращение в Египет» нет и героя-резонера, который отражал бы четко сформированную позицию автора: система персонажей данного произведения выстроена по принципу, наиболее приближенному к бахтинскому пониманию полифонии. Герои буквально являются воплощением идеи или одновременно нескольких точек зрения, что подчеркивается, например, полным отсутствием описания внешнего вида и характера. В нарративе романа персонажи выступают сугубо «голосами», несущими полифоническое множество мыслей, что акцентируется и эпистолярной формой произведения. Истинность или ложность различного рода высказываемых идей, определяется не статусом персонажа, что характерно для монологизма, а общей идейно-тематической структурой текста. Наставничество героев (например, Кормчий) не делает их носителями

достоверного и непоколебимого знания, что в целом и порождает именно равноправную полифонию голосов.

Таким образом, в романе «Возвращение в Египет» система персонажей базируется на явлении двойничества, которое М. М. Бахтин относит к признакам полифонического видения. При этом наиболее распространенным типом является тип двойников-дублеров, с разных сторон раскрывающих одну и ту же идею. Выявление двойников-антагонистов в анализируемом тексте затруднено в связи с динамичностью и двойственностью взглядов персонажей. Истинность / ложность тех или иных высказываемых точек зрения выявляется сугубо в связи с художественным целым, а среди персонажей отсутствуют герои-носители авторского мировоззрения, что и порождает полифонию голосов. Однако с помощью композиционных и стилистических приемов (например, карнавализации) в романе все же расставлены смысловые приоритеты, что указывает и на функционирование элементов монологического высказывания.

Библиографические ссылки

1. *Агранович С. З., Саморукова И. В.* Двойничество. URL: <https://knigogid.ru/books/355859-dvoynichestvo/toread> (дата обращения: 25.07.2025).
2. *Шаров В.* Возвращение в Египет. М. : Текст, 2020.
3. *Шейко-Маленьких И. В.* Проблемы поэтики прозы В. Шарова // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2006. № 2. С. 84–88.